

ПРОЛОГ

Момемн

И ничто не было ведомо или неведомо,
и не было голода.

Все было Единым в безмолвии, и было оно
как Смерть.

А потом было сказано Слово, и Единое ста-
ло Многим.

Деяние было высечено из бедра Сущего.

И Одинокый Бог молвил: Да будет Обман.

Да будет Желание...

Книга Фана

*Конец лета, 20 год Новой империи
(4132 год Бивня), Момемн*

За всем смятением войн за Объединение, за всеми трудами материнства и императорского статуса Анасуримбор Эсменет не переставала читать. Во всех дворцах, захваченных ее божественным мужем ради покоя и уюта супруги, не было недостатка в книгах. В тених засушливого Ненсифона она дивилась неяркой красоте Сирро, в знойном Инвиши задремывала над изысканной точностью Касидаса, в холодной Освенте хмурилась над глубинами Мемговы.

Над горизонтом часто поднимались столбы дыма. Священное Кругораспятие ее мужа ложилось на стены, украшало щиты, перехватывало нагие шеи. Дети мужа следили за ней Его всеядными глазами. Рабы смывали и стирали

кровь и краску, а потом заштукатуривали сажу. И там, где предоставлялась возможность, Эсменет пожирала все, что могла, из великой классики Раннего Кенея и многоязычных шедевров Поздней Кенейской империи. Она улыбалась шальным лэ Галеота, вздыхала над любовной лирикой Киана, злилась над назидательными речитативами, обычными в Се Тидонне.

Однако при всей мудрости и разнообразии этих произведений все они парили в эфире фантазии. Эсменет обнаружила, что одна лишь история обладала родственной ей природой. Читать исторические труды значило для нее читать о себе в манере одновременно конкретной и абстрактной — от донесений императорского двора Кенея поры Ближней Древности у нее нередко мурашки бежали по коже, столь жутким казалось сходство. Каждый поглощенный ею трактат и каждая хроника обнаруживали те же устремления, те же пороки, те же обиды, ту же ревность и горести. Менялись имена, сменяли друг друга национальности, языки и века, но те же самые уроки вечно оставались невыученными. По сути дела, она знакомилась едва ли не с музыкальными вариациями, в различных тональностях разыгранными на душах и империях, уподобленных струнам лютни. Опасность гордыни. Конфликт доверия. Необходимость жестокости.

И над всеми временами властвовал один-единственный урок — досадный и, во всяком случае для нее, отвратительный и неприглядный...

Власть не сулит безопасности.

История убивает детей слабых правителей.

Карканье боевых рогов, так непохожее на протяжный распев рогов молитвенных, легло на город. Момемн был охвачен смятением. Подобно чаше воды, поставленной на основание несущейся колесницы, город волновался, трепетал и выплескивался через край. Ибо скончался Анасуримбор Майтанет, Святейший шрайя Тысячи Храмов. Пульсировали воздушные сердца барабанов фаним, грозили с запада. Имперские аппаратарии и шрайские рыцари спешили защитить столицу — открыть арсеналы, успокоить возбужденных,

занять куртины великих стен. Однако благословенная императрица Трех Морей торопилась защитить свое сердце...

Ее сын.

— Кельмомас скрывается во дворце... — проговорил Майтанет, прежде чем получить удар от своего убийцы.

— Как? В одиночестве?

Инкаusti в золотых панцирях — прежде приглядывавшие за ней как за пленницей своего господина — ныне сопровождали ее как свою имперскую владычицу. Памятуя об осаждавших Ксотею толпах, они предпочли покинуть храм чередой заплесневелых тайных тоннелей, в ином веке служивших сточными канавами. Предводитель, рослый массентианин по имени Клия Саксиллас, вывел их к выходу, расположенному в окрестностях Кампосейской агоры, где обнаружилось, что улицы запружены теми же самыми толпами, которых они хотели избежать, — душами, столь же стремящимися к обретению своих любимых, как и сама Эсменет.

Повсюду, насколько хватало глаз, мир ее состоял из бурлящих людских сборищ, каменных желобов, наполненных возбужденными толпами. Над уличным хаосом высились мрачные и безразличные дома. Отборные охранники Майтанета с боем создали вокруг нее свободное пространство, они трусили рысцей там, где улицы позволяли это, а в других местах бранью и дубинками прокладывали путь сквозь потоки и струи несчетных толп. На каждом перекрестке Эсменет приходилось переступать через павших — тех несчастных, кто не сумел или не захотел уступить дорогу своей благословенной императрице. Она знала, что начальник стражи Саксиллас считает безумием ее вылазку на Андиямианские высоты в такое время. Однако служба Анасуримборам подразумевала безумие во имя чудес. И, если на то пошло, ее требование только укрепило его верность, подтвердило то божественное достоинство, которое, как ему казалось, он заметил у нее в великих и мрачных пустотах Ксотеи. Служить божественной сущности значило обитать посреди частей целого. Лишь твердость в вере отличает верующего от безумца.

Но, как бы то ни было, его шрайя мертв, его аспект-император воюет в дальних краях, и вся его верность теперь принадлежит ей одной. Ей, сосуду священного семени ее мужа. Ей, благословенной императрице Трех Морей! И она спасет своего сына — даже если ради этого придется испепелить весь Момемн.

Он не таков, каким ты его считаешь, Эсми.

И посему, объятая подобающим матери ужасом, она неслась по охваченным смятением улицам, кляла и хвалила инкаусты, когда что-то замедляло их продвижение. Среди всех несчастий, перенесенных во время затворничества, не было ничего более горького, чем потеря Кельмомаса. Сколько же страж пришлось ей, со слезами на глазах, с комком в горле, трепетать всем телом из-за его отсутствия? Сколько же молитв вознесла она, чтобы рассеять непроглядную тьму? Сколько обетов и в чем принесла? Сколько ужасных видений было послано ей взамен? Сцен, явившихся из прочитанных ужасных историй о маленьких принцах, удавленных или задушенных... о маленьких принцах, заморенных голодом, ослепленных, проданных извращенцам...

— Бейте их! — взвывала она, обращаясь к стражам шрайи. — Прокладывайте дорогу дубинками!

Нами повелевает знание, пусть самомнение считает иначе. Знание направляет наши решения и тем самым руководит нашими деяниями — столь же непреклонно, как хлыст или батог. Эсменет отчетливо представляла, какая участь ждет князей во времена революций и падения тронов. И вот империя ее мужа рушилась вокруг нее, а значит, она должна во что бы то ни стало найти сына.

Фаним придется подождать. И совершенно неважно, оставался ли Майтанет верным ее мужу, — искренне думала более коварная душа Эсменет. Значение имело лишь то, что его собственные слуги считали именно так, что они по-прежнему не знали покоя и что один из них мог найти ее сына! Она своими глазами видела их жестокость — видела, как они убили влюбленного в нее Имхайласа! Она, как и всякая женщина, знала, что мужчины склонны делать

козлами отпущения других, дабы унижить. И теперь, когда Майтанет погиб, кто мог сказать, как его последователи отыграются за него, на каком невинном существе выместят свое горе и ярость?

Теперь, когда Майтанета уже нет в живых.

Мысль эта заставила ее дрогнуть, оградиться от круговорота толпы поднятыми руками, посмотреть на виноградную гроздь, вытатуированную шриальной кровью на сгибе ее левой ладони. Эсменет сомкнула глаза посреди смятения, пожелав увидеть перед собой своего маленького мальчика. Но вместо сына увидела почти нагого ассасина-нариндара посреди позолоченных идолов, Святейшего шрайю Тысячи Храмов, распростертого у его ног в луже черной, словно смола, крови, на которой играли искорки отражений.

Брат ее мужа. Майтанет.

Мертв. Убит.

А вокруг барабаны фаним возмущали сердца...

Момемн повергнут в смятение.

Наконец, наконец-то они вырвались из щелей улиц на относительно открытую дорогу Процессий, и инкаусти инстинктивно перешли на рысь. Никакая всеобщая паника не могла изгладить знаменитое зловоние Крысиного канала. Андиаминские Высоты безмолвно господствовали над Императорским кварталом, ее ненавистным домом, чьи мраморные стены блестели на солнце под медными кровлями...

Она лихорадочно огляделась, не увидев ни струйки дыма, ни знака вторжения, и вдруг заметила маленькую девочку, рыдающую над женщиной, распростертой на жесткой брусчатке. Кто-то нарисовал серп Ятвер на опухшей щеке ребенка.

— Мама! Ма-ама-ма-ама-ма-ама!

Эсменет отвернулась, не позволив себе ни капли сочувствия.

Умер Святейший шрайя Тысячи Храмов.

Она не могла думать о том, что сделала. Она не могла сожалеть.

Теперь вперед, к ненавистному дому. Туда вела ее война.

Тишина Имперского квартала никогда не переставала изумлять ее. Лагерь скуариев излучал тепло, нагревая воздух. Монументы, изваяния, покрытые черными и зелеными пятнами. Причудливые архитравы, вырисовывающиеся на фоне неба. Возносящиеся колонны, замкнутые интерьеры, сулящие прохладу и полумрак.

От этого крики Эсменет звучали еще более резко и тревожно.

Кел!

Пожалуйста!

Кел! Нам ничего не грозит, мой любимый! Я твоя мать, я вернулась!

Я победила!

Твой дядя мертв...

Твой брат отмищен!

Она не заметила, когда потекли слезы.

Андиаминские Высоты поднимались перед ней: дворцовые крыши, колонны, террасы, яркий мрамор под лучами утреннего солнца, блеск меди и золота.

Тишина... привороженная к этому месту.

Кел! Кельмомас!

Она запретила инкаусти следовать за ней. Всякий протест, который они могли бы высказать, остался произнесенным. Недоверчивой и неверной походкой шла она по мрачным залам Аппаратория. Скорее плыла, нежели шла, настолько велик был ее ужас... Надежда, величайшее из сокровищ беспомощных, способность предполагать знание, недоступное обстоятельствам. И пока она скрывалась в покоех Нарей, Эсменет всегда могла надеяться, что ее мальчик сумел спастись. Подобно рабыне, ей оставалось питаться и упиваться надеждой.

Теперь же перед ней лежала нагая истина. Истина и опустошение.

Кельмома-а-ас!

Безмолвие... нутряное ощущение пустоты, овладевающее прежде бойким и бурлящим местом, если лишить его движения и жизни. Ограбленные покои. Тусклые в сумраке золо-

ченые панели, холодом дышат наполненные благоуханным пеплом курильницы — даже сценки, вышитые на шторах, кажутся бурыми и словно осенними. Лужи засохшей крови пятнают и марают полированные полы. Отпечатки сапог. Отпечатки ладоней. Даже контур лица, запечатленный шероховатой бурой линией. В каждом встречном коридоре искала она бледный отсвет, всякий раз исчезающий при ее приближении.

Скорлупа, раковина, понимала она, — череп о многих покоях. Ее собственный дом.

Кел!

Голос ее скреб пустынные недра дома, и силы его не хватало, чтобы породить эхо.

Это я-а-а!

Она начала поиски в Аппаратории, поскольку сеть тайных ходов из него задевала каждую комнату и нишу дворца. Если там было одно место, подумала она... Одно место!

Это мама!

При всей благословенной человечности своего ребенка она не сомневалась в его стойкости и находчивости. Среди всех ее детей он в наибольшей степени был похож на нее — и в меньшей степени на дунианина. Он обладал малой долей крови его отца. Божественной крови.

И проклятой.

Кельмомас!

Ничто не может оказаться настолько отсутствующим — настолько *недостающим*, — как пропавшее дитя. Дети настолько рядом, они скорее здесь, чем там, пальчики их щечкуют, они заходятся смехом, смотрят на тебя с бездумным обожанием, лезут к тебе на колени, на бедра, на ручки, их тело всегда здесь, они хотят, чтобы их брали на руки и поднимали, прижимали к груди, которую они считают своим престолом. Пусть хмурятся инкаusti! Пусть не одобряют мужчины! Что им известно о материнстве, об этом безумном чуде, когда вырванный из твоих недр комок липнет к тебе, вопит и хихикает, и познает все, что можно здесь познавать?

Проклятье!

Она застыла недвижно посреди обысканного ею мрака, напрягаясь, дабы услышать ответ на зов охрипшего голоса. Дальний ропот барабанов фаним едва мог прикоснуться к ее слуху. Она сипло дышала.

Где же ты?

Она побежала по мраморным коридорам, надеясь, что он может быть там, ужасаясь тому, что он может быть там, задыхаясь, неровно ступая, озираясь по сторонам, только озираясь, но не замечая ничего и не уставая искать его...

Кел! Кел!

Она летела по дворцу, позолоченному лабиринту, бывшему ее домом, — разбившаяся вдребезги, обезумевшая, сотрясаемая рыданиями, выкрикивающая его имя игривым мелодичным тоном. Такой-то и застанут ее неотесанные захватчики, осознавала часть ее души. Такой фаним увидят благословенную императрицу Трех Морей — одинокую в собственном дворце, воркующую, визжащую, гогочущую, растерзанную на куски оскалившимся миром.

Она бежала, пока нож еще не чиркнул сзади по ее горлу, пока еще наконечники копий не обагрили ее бока. Она бежала, пока сами ступни ее, все стремившиеся умчаться друг от друга, не превратились в обеспамятевших от страха беженцев — пока собственное дыхание ее не стало казаться зверем, скакавшим рядом, вывалив красный язык.

Кел!

Она упала, не столько споткнувшись, как обессилив. Пол отпустил ей пощечину, ободрал колени — а потом усмирил боль своей бездонной прохладой.

Она лежала задыхаясь, медленно поворачиваясь.

Она слышала все прежние звуки, негромкие голоса придворных и министров, смешки щеголей из благородных родов, шорох нелепых подошв, топот босых рабов. И она увидела *его*, идущего навстречу, хотя внешность его была ей знакома только по профилю, оттиснутому на монетах: Икурей Ксерий шел рассеянной поступью, нелепый в расшитых золотом шелковых шлепанцах, скорее насмешливый, чем улыбающийся...

Резко вздохнув, она подскочила.

Издалека сквозь вереницу опустевших залов сочлились мужские голоса:

— Благословенная императрица! Благословенная!
Инкаусти?

Окинув полумрак взглядом, она поняла, что лежала на полу в вестибюле Верхнего дворца.

Эсменет выпрямилась, ощущая утомление всем телом. Подошла к ряду дубовых панелей, ограждавших противоположную колоннаду, отперла запор, отодвинула одну секцию и, прищурясь, посмотрела на широкий балкон. Возле уютного мраморного бассейна чирикали и ссорились воробьи. Пастельных цветов небо пульсировало обетованием воздаяния и войны. Распростершийся под вечной дымкой Момемн пронизывал расстояние своими улицами и домами.

Дымные столпы поднимались над горизонтом
Черные фигурки всадников рыскали по полям и садам.
Беженцы толпились у ворот.

Стонали рога, но звали они, или предупреждали, или смеялись над ней, она не знала... да и не смущала себя такими мыслями.

Нет...

В душе каждой матери обитает нечто безжалостное и жестокое, рожденное эпидемиями, бедствиями, сожженными детьми. Она была неуязвима; немилосердная реальность мира могла сколько угодно обламывать свои ногти, мечтая вцепиться в нее. Отвернувшись от балкона, Эсменет возвратилась в сумрачные недра дворца с какой-то усталой покорностью — словно играла в некую игру, но давно уже потеряла терпение. Она не столько утратила надежду, сколько отодвинула ее в сторону.

Высокие двери в имперский зал аудиенций были распахнуты настежь. Она вошла, крохотная под взмывающими вверх каменными сводами. Представив себе всю тяжесть, подвешенную над ее головой, обитавшая где-то в глубине ее души сумнийская шлюха удивилась, что это здание могло быть ее домом, что живет она под выложенными золотом

и серебром потолками, защищенными Слезами Господними. Небо через отверстие над престолом заливало бледным светом ступени монументального трона. Сухие, как дохлые мухи, тушки мертвых птиц усыпали сетку, натянутую высоко над престолом. Верхняя галерея пряталась в резных тенях, внизу блестели полированные полы. Чуть колыхались натянутые между колоннами гобелены — по одному на каждое завоевание ее грозного мужа. На краю ее зрения сцена понемногу превращалась из черной в золотую.

Она подумала о долге, о том, каким образом следует предать смерти шрайских рыцарей, убивших Имхайласа. Она представила себе Нарею и ожидающую ее жуткую участь. И ухмыльнулась — с полным бессердечием, — представив себе те мелкие жестокости, которыми прежде ограждала себя ее собственная робкая и покорная природа.

Более не существующая.

Теперь она будет говорить масляным голосом и требовать крови. Как это делает ее божественный муж.

Благословенная императрица! Благословенная!

Она бесшумно прошла по просторному полу, приблизилась к подножию престола, ограждая глаза от проливавшегося сверху ослепительного света. Престол Кругораспятия казался всего лишь смутным силуэтом.

Она заметила его только перед тем, как наткнулась на...

Своего сына. Своего великого имперского принца.

Анасуримбора Кельмомаса...

Свернувшегося клубком между подлокотников ее скромного бокового трона. Спящего.

Грязного звереныша. Окровавленного демоненка.

Отчаяние преодолело отвращение. Она схватила его, обняла, заглушила рыдания и стоны.

Мама-а...

Ма-а-амо-очка...

Эсменет припала щекой к холодному комку засаленных волос.

— Ш-ш-ш, — выдохнула она, обращаясь к себе в той же мере, как и к сыну. — Я осталась единственной властью.

Взгляд ее коснулся неба за Пеленой, а с ним вернулась и память о ее городе, великом Момемне, столице Новой империи. Дальние барабаны отсчитывали ритм соединившихся сердец матери и сына.

Да сторит он — этот город, мелькнула мысль.

Благословенная императрица Трех морей плотней обхватила царственные тонкие руки и плечики, прижимая своего плачущего мальчика к самой сердцевине своего существа.

Где ему и положено быть.